

Альберто Тозо Феи

ВЕНЕЦИАНСКИЕ ТАЙНЫ

ИСТОРИЯ, МИФЫ, ЛЕГЕНДЫ,
ПРИЗРАКИ, ЗАГАДКИ
И ДИКОВИНЫ В СЕМИ
НОЧНЫХ ПРОГУЛКАХ

Альберто Тозо Феи

**Венецианские тайны.
История, мифы, легенды,
призраки, загадки и диковины
в семи ночных прогулках**

«ВЕБКНИГА»

2015

Феи А.

Венецианские тайны. История, мифы, легенды, призраки, загадки и диковины в семи ночных прогулках / А. Феи — «ВЕБКНИГА», 2015

ISBN 978-5-94-282761-8

Книга венецианца Альберто Тозо Феи – это путеводитель по Венеции мифов и тайн. Она составлена из семи маршрутов по всем шести историческим районам-сестьерам Венеции, с указанием улиц и приложением подробных карт-схем. Однако «стержнем», на который нанизываются прогулки, выступает не история памятников архитектуры и стилей живописи, как в обычных путеводителях, а городские легенды. Но поскольку почти во всех этих легендах фигурируют исторические персонажи, а призраки появляются в местах исторических, автор – всегда к месту – дает и «обычную» познавательную информацию: рассказывает об истории Венеции и описывает ее наиболее известные архитектурные памятники. Альберто Тозо Феи (р. 1966) происходит из семьи потомственных стеклодувов, и до выхода этой книги был известен как специалист и энтузиаст истории муранского стекла. Это его первая книга, вышедшая за рамки его прямой специальности, и за ней последовали многие другие.

ISBN 978-5-94-282761-8

© Феи А., 2015
© ВЕБКНИГА, 2015

Содержание

Карло Лукарелли. Предисловие	6
Первая ночь	7
Венецианцы верхом	10
Дож-предатель, дож-слепец и дож-пророк	12
Скелет звонаря	14
Нищий и левантинец	17
Лед на лагуне и счастливый случай	21
Дож, потерявший голову	23
Америку открыли венецианцы?	25
Космограф, похитивший сны Люцифера	29
Непогребенная девочка	30
Каракатицы с глазами женщины	31
Мертвец, убивший себя из-за любви	33
Между иллюминатством и алхимией	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Альберто Тозо Феи

Венецианские тайны. История, мифы, легенды, призраки, загадки и диковины в семи ночных прогулках

ОГИ

* * *

*О Боже, какую великую милость
сотворили мы где-то
и забыли о ней,
Что ты это чудо даруешь нам,
о Господи вод.
О Боже ночи!
Какая великая скорбь
Двигается к нам,
что Ты утешаешь нас
Прежде ее приближенья?*

*ЭЗРА ПАУНД, «Ночная литания»
(перевод Ольги Седаковой)¹*

Оливии, прекраснейшему из даров, сделанных мне Венецией

Джакомо, наилучшему из даров

* * *

Эта книга появилась на свет благодаря поддержке, участию, страсти и терпению Ольвии Алигьеро, Андреа Бенетти, Марко Вольини, Клаудио Дель Орсо, Леле Зампьеры, Алессандры Згарбоссы, Марко Зордана, Карло Лукарелли, Лизы Марры, Джованни Пелиццато, Дениса Питтера, Стефано Росси, Матео Секки, Алессандро Тозо Феи, Симоне Фраска и ребят из Webmaoги. Всем вам – моя признательность и дружеские чувства².

¹ «Венеция предстает как видение Града Божия» (Примечание О. Седаковой).

² Переводчик выражает свою благодарность Алессандре Аньелли, Эуджени Гальяноне и Наталии Осис.

Карло Лукарелли. Предисловие

Если бы мне довелось выбирать, где родиться в следующей жизни (и при этом я не имел бы права выбрать мою Эмилию-Романью), – то я, разумеется, выбрал бы Венецию.

Не потому, что она прекрасна. Да, она прекрасна; когда нас спрашивают о самом прекрасном городе, мы, итальянцы, называем Венецию и не сильно грешим против истины.

И не потому, что это город с древней историей, благородной и имеющей огромное значение.

И даже не потому, что она такая особенная, уникальная с точки зрения архитектуры, городских панорам и характера своих жителей.

Я бы выбрал Венецию потому, что она полна тайн.

Может быть, дело и в красоте, и в истории, и в уникальности, но меня в Венеции всегда бросает в дрожь от этого упоительного чувства прикосновения к тайне. Здесь всегда возникает неудержимое желание заглянуть за угол и поглядеть, что там. Но не сразу, не быстро, а постепенно, маленькими шажками, бросая взгляды украдкой. Чтобы всякий раз не замирать с открытым от восхищения ртом.

Однажды Альберто провел меня по своему городу, рассказывая о некоторых из тех многочисленных загадок, что прячутся по углам. И со мной происходило как раз это – я замирал с открытым ртом.

Другого такого города нет на свете.

Вот почему, если уж еще раз мне суждено родиться не в Эмилии-Романье (что меня вполне устроило бы) – я бы выбрал Венецию.

Ведь я детективщик по призванию, любитель тайн, – и раз уж вы взялись за эту книгу, вы понимаете, о чем я.

Первая ночь
Призраки, дожи, скупые скелеты,
древние надписи и Тинторетто
От Санти-Джованни-э-Паоло до Гетто

Первое путешествие по венецианским тайнам начинается в sestiere Кастелло, самом обширном и густонаселенном районе города, и почти сразу же перемещается в Каннареджо – другой, столь же оживленный район.

Начнем мы с калле³ де ла Кавалерицца (*calle de la Cavalerizza*), позади огромной церкви, освященной в честь Св. Иоанна и Павла – Санти-Джованни-э-Паоло, Заниполо (*Zanipolo*) по-венециански. На этом месте на рубеже XVII и XVIII веков стояла Кавалерицца деи Нобили (*Cavalerizza dei Nobili*) – манеж, в котором венецианские патриции упражнялись в искусстве верховой езды. От этого манежа, способного вместить более 70 лошадей кряду, и произошло название калле.

³ Кажется, что слово *calle*, употребляемое в Венеции для обозначения улиц, происходит от слова «канал»; в действительности слова *calle* (узкий проход, тесный путь) и *canale* происходят от разных латинских корней. *Calle* – это изначальные улочки Венеции; а появившиеся позже при засыпании каналов, так и называются – *rio terà* (засыпанный канал). – *Здесь и далее примечания переводчика.*

Венецианцы верхом

Общеизвестно, что по Венеции можно перемещаться пешком или на лодке. Но в древности, когда мостки были деревянными и без перил, а на кампи (площадях) густо произрастали зеленые насаждения, по Венеции ездили и верхом. . . Один из колоколов Сан-Марко носит название «Троттэра» (*Trottera*), потому что его звук призывал нобилей⁴ поспешить в Палаццо Дукале (Дворец Дожей) на Большой совет, для чего им надлежало пустить своих лошадей рысью (*al trotto*). На пьяцце Сан-Марко их собиралось столько, что дорожное движение пришлось даже регулировать: закон 1287 года запрещал всем, за исключением новоприбывших иностранцев, ездить верхом от Мерчерий до Сан-Марко. Четыре года спустя закон был ужесточен: теперь он предписывал всем, кто прибывает на Риальто, оставлять своих лошадей в роще фиговых деревьев, что произрастали на кампо Сан-Сальватор (*campo San Salvador*), и продолжать свой путь к пьяцце пешком.

Несмотря на это обыкновение, венецианцы на конях смотрелись препотешно – совсем как в наши дни, когда все смеются над их искусством вождения. Прирожденные моряки, они веками давали щедрую пищу для шуток и карикатур, высмеивающих их манеру ездить верхом. Всадники, лишённые в лагуне должной практики, были излюбленной мишенью для писателей, особенно в XVI веке. Так, Бальдассар Кастильоне, учитель благородных манер, желая описать дурного наездника, говорит, что он «сидит на лошади, как венецианец». Поджо Браччолини повествует в том же веке о другом венецианце, который, взгрозившись на коня, держал шпоры в кармане и, поскольку животное передвигалось ленивым шагом, понукал его толчками каблуков и словесными угрозами: «Знал бы ты, что у меня в кармане, сразу бы переменял аллюр!» К этим остроумцам прибавим и Ариосто («ворочать лодки руль и удила – занятие мало схожие», – изысканно ехидничал он), и Аретино, и Биббьену. Забавен также приводимый Анри Этьеном анекдот: некий венецианец, сидя на строптивом коне, вытащил платочек и проверил ветер. После чего заявил, что его конь совершенно прав, пятясь задом, потому что ветер встречный. «Этот венецианец думал, что он в гондоле», – заключил француз.

Но венецианцы, кажется, совсем не заботились о производимом впечатлении. И даже проводили на пьяцце Сан-Марко турниры! О них упоминает еще Франческо Петрарка. В письме 1364 года он с восхищением описывает конные соревнования, которым он был свидетелем. Турнир состоялся по повелению дожа Лоренцо Чельси, чтобы отпраздновать таким образом возвращение под руку венецианцев острова Кандии. «В первый день ристалище начали двадцать четыре молодых нобилия, облаченные в одежды, расшитые серебром и золотом, верхом на великолепных скакунах, – пишет он. – И длилось ристалище это до самой ночи, так что немало копий было сломано. В последующие же два дня билось немало английских баронов, бывших здесь проездом в Святую землю, и множество рыцарей из разных итальянских земель, привлеченных славой сих ристалищ, на которые собираются венецианские нобили». В турнирах участвовали тысячи людей! Например, в 1413 году, на турнире по случаю избрания дожа Томмазо Мочениго («дожа-пророка», о котором поговорим чуть позже), семьдесят тысяч зрителей любовались поединками 460 конных участников, в числе которых были маркизы Мантуи и Феррары.

Лошадей даже раскрашивали! В большой моде у венецианцев были оттенки оранжевого – цвета, который сообщал кавалькадам – и не только им – неповторимую притягательность для глаз. Для этого использовалась краска, получаемая из одного кипрского растения. Вене-

⁴ Слово «нобил» (*nobile*) употребляется здесь потому, что венецианский правящий класс некорректно называть «дворянами»: никакой король или герцог не даровал их предкам «дворов» за службу. Строго говоря, скорее они были олигархами. Хотя правители сопредельных государств порой жаловали венецианским патрициям земельные наделы (и довольно крупные) – и по отношению к ним нобили выступали как «обычные» дворяне и бароны.

цианские скакуны, знаменитые во времена Римской империи, звались также «лазоревыми», потому что таков был цвет их попон. Римляне покупали их для цирковых ристалищ и считали непобедимыми.

Великолепная готическая церковь, позади которой вы сейчас стоите, – самая большая в Венеции. Она была заложена в 1246 году для братства нищенствующих доминиканцев и освящена в 1430 году во имя Св. Иоанна и Павла. Здесь покоятся останки многих венецианских дожей и героев Республики. Среди них – Маркантонио Брагадин, мученик Фамагусты⁵, с которого в 1571 году, незадолго до победы христиан при Лепанто, турки содрали кожу.

Кожа героя была выкрадена из константинопольского Арсенала (где она хранилась как военный трофей), доставлена в Венецию и помещена в урну в правом притворе собора 18 мая 1596 года.

А в нескольких шагах от нее, в стене под левым крестовым сводом, хранятся останки дожа, отомстившего за мученичество Брагадина, – Себастьяно Веньера, победившего турок при Лепанто в знаменитейшем морском сражении, изменившем судьбы современной Европы.

* * *

Но не только упокоившиеся в мире мужи творили историю Яснейшей. Есть и такие, что продолжают бродить, страдая. Вот несколько историй о призраках Венеции.

⁵ Фамагуста – порт на Кипре. В 1571 году контроль над Кипром перешел от венецианцев к туркам. Однако в октябре того же года соединенный испанско-венецианский флот нанес во время битвы при греческом городе Лепанто сокрушительное поражение турецкому флоту (в этой битве Сервантес лишился руки) и остановил натиск Оттоманской Порты на Европу. Битва при Лепанто считается последним крупным сражением гребных судов.

Дож-предатель, дож-слепец и дож-пророк

Прямо позади церкви Сан-Заниполо каждую ночь происходит нечто, далекое от обыденности. На этом самом месте в 1355 году дож Марин Фальер собрал свой отряд, составленный из спесивых купцов, чтобы привести в исполнение преступный замысел – стать единоличным властителем Венеции.

Раскрытый заблаговременно заговор был сурово пресечен, а сам дож-предатель – обезглавлен. Его голова, отделенная от туловища, в могиле была помещена между ног, как вечное напоминание о позоре, нанесенном самой Республике. И вот теперь Фальер – укороченное туловище, пребывающее в смехотворном неведении о том, где находится его голова, продолжает бродить, ища ее там, где зародился и созрел заговор.

На том свете его вечно преследует, чтобы окончательно расквитаться, другой дож – Энрико Дандоло, который, восьмидесяти с лишним лет и будучи слепым, возглавил завоевание Константинополя в 1204 году во время Четвертого крестового похода, творя страшные жестокости к вящей славе Божией⁶. С горящими углями вместо глаз и с отточенным клинком, который он вынужден держать за лезвие, постоянно режа руки в память о пролитой по его приказу невинной крови, испуская из разверстого рта никому не слышимый крик, Дандоло тоже осужден бродить, чтобы найти Фальеро и отомстить наконец за нанесенное городу бесчестье. Их встреча еще впереди, пусть даже эти двое, безглазый и безголовый, несколько раз оказывались совсем рядом друг с другом, не ведая об этом.

В глубине этого же канала де ла Кавалерицца, в доме синьора Поццо, 25 июля 1755 года был арестован Джакомо Казанова. Отсюда он был препровожден в тюрьму Пьомби, страшные казематы Палаццо Дукале. Почти не замечая ожесточенной борьбы, разворачивающейся в двух шагах от него, еще один дож бродит вокруг Санти-Джованни-э-Паоло, не в силах обрести покой. Это Томмазо Мочениго, известный как «дож-пророк», потому что в 1423 году на смертном одре он провозгласил, что Венецию постигнет военный и торговый крах, если после него дожем будет избран Франческо Фоскари (*Francesco Foscari*). «И если вы, оборони Господь, – были последние слова Мочениго, – сделаете его дожем, то вскорости обретете вы войну; и у кого сейчас десять тысяч дукатов, будет только тысяча, и у кого сейчас десять домов, будет только один, и у кого десять перемен платья, мантий и сорочек, с трудом одну найдет...» Выборы состоялись, и все исполнилось. Теперь дож, лишенный речи, бродит кругами, а изо рта у него без конца выползает длинный бумажный свиток, на котором начертано одно только слово – *Veritas*, Истина. Багровое лицо Мочениго орошено слезами, он задыхается от усилия, мало-помалу свиток закручивается вокруг его ног, из-за чего дож беспрестанно падает. В то время как от первых двух дожей лучше держаться подальше, Мочениго с удовольствием примет помощь того, кто готов распутать ему ноги – но только распутать ноги. Его грустный взор на мгновение озаряется благодарностью, затем он должен подняться и продолжить свой путь.

⁶ Спровоцированное Венецианской республикой разграбление Константинополя крестоносцами в 1204 году – одна из самых неприятных страниц в ее истории. Предводители Крестового похода обратились к Венеции с просьбой предоставить в аренду корабли для перевозки на Святую землю. Венецианская верхушка охотно согласилась, но ввиду возникших у крестоносцев финансовых затруднений выдвинула условие: сделать по дороге «небольшой крюк» и примерно наказать константинопольского императора за «неправильное христианство». В действительности же, конечно, набирающая силу морская республика была заинтересована в ослаблении могущественного конкурента. Захват Константинополя обернулся страшной резней, разграблением церковных ценностей и несметных сокровищ (в частности, именно тогда венецианцы вывезли четверку античных бронзовых коней, украшающих ныне портик Сан-Марко) и вызвал крайне неоднозначную реакцию в Европе. Но прагматическая цель была достигнута: Византия вступила в полосу кризисов, которые и привели ее к падению 250 лет спустя, а часть имперской территории перешла под контроль Венеции. Возможно, впрочем, что жестокость Дандоло отчасти продиктована и личными причинами: существуют указания на то, что обоих глаз (или, по крайней мере, одного) он лишился в молодости именно после неудачной дипломатической миссии в Византию.

* * *

Вернемся теперь к переднему фасаду церкви. С левой стороны, на уровне середины площади, находится корте⁷ Брессана (*corte Bressana*). Зайдите туда, только будьте осторожны: можно легко натолкнуться на...

⁷ *Corte* – двор. В Венеции – маленький внутренний дворик между домами, в отличие от площади, именуемой в Венеции не «пьяцца» (площадь), а «кампо» (поле) или «орто» (огород), потому что некогда венецианцы действительно использовали почти все незастроенные участки земли для аграрных нужд.

Скелет звонаря

Легенда (появившаяся относительно недавно) гласит, что здесь вплоть до середины XIX века обитал один из последних звонарей колокольни Сан-Марко, человек более чем двухметрового роста и с непропорционально длинными руками.

Однажды его заметил директор венецианского Научного института⁸. Ученый муж сразу подумал, что скелет этого человека очень украсил бы анатомическую коллекцию. После долгих колебаний звонарь поддался на уговоры профессора и согласился завещать свой скелет институту – в обмен на круглую сумму при жизни.

Звонарь поначалу был немного обескуражен, но потом подумал: «Отчего же не продать? Я уже не молод, но профессор куда старше. Он скоро умрет, и если я отправлюсь в мир иной хотя бы через два-три года после него, об этом договоре уже никто не вспомнит». Заключив сделку, профессор заплатил звонарю и шутя добавил: «Как умрешь, помещу твой скелет в большой стеклянный ларь и дам ему в руку колокольчик. Пусть охраняет коллекцию!»

Звонарь в глубине души был убежден, что этого не случится, и поспешил с деньгами в ближайшую остерию. Поскольку он был любителем хорошего вина и мог теперь себе его позволить, то просиживал в остерии целыми днями. И не вышли у него еще все деньги, как удар хватил его прямо за столом кабачка. Так скелет отошел профессору, который поместил его в ларь в институте с колокольчиком в руке. Теперь скелет звонаря Сан-Марко находится в Музее естественной истории, что в бывшем «Турецком подворье» (*Fondaco dei Turchi*)⁹. Он стоит на своем месте, пока время не приближается к полуночи. Тогда он взбирается на колокольню Сан-Марко и бьет двенадцать раз в самый большой колокол, Марангону. Потом бредет, пошатываясь, вдоль каналов, ведущих к его бывшему дому, звенит колокольчиком и пристает к прохожим, прося у них милостыню, чтобы выкупиться.

Сестеры Венеции – это примерно то же самое, что городские кварталы, по три с каждой стороны Каналь Гранде (Большого канала). Кроме Каstellо и Каннареджо это Сан-Марко, Сан-Поло, Санта-Кроче и Дорсодуро¹⁰.

⁸ *L'Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti* (Венецианский институт науки, литературы и искусства) – Венецианская академия наук, существует с 1810 года.

⁹ *Museo Civico di Storia Naturale (Santa Croce, 1730)*.

¹⁰ Сестеры никогда не называют кварталами, потому что само слово «квартал» обозначает «четверть» (города возникали обычно на перекрестке двух торговых путей, разделяющих их на четверти), а в Венеции их изначально было шесть, что и отражено в названии (*sesto* – шестая часть). Названия Каstellо, Каннареджо, Сан-Марко, Сан-Поло, Санта-Кроче, Дорсодуро буквально означают: Замок, Главная канава (или канал), Святой Марк, Святой Павел, Святой Крест (от названий главных соборов каждого квартала), Становой хребет.

Вернитесь из корте на кампо и остановитесь на минутку, чтобы полюбоваться величественной конной статуей кондотьера Бартоломео Коллеони, отлитой Андреа Верроккьо (конь при этом – работы Алессандро Леопарди) и торжественно открытой 21 марта 1496 года, когда «все на него посмотреть пришли», как писал хронист того времени Марин Санудо. Все началось с того, что Коллеони оставил свое состояние Республике, претендуя, в свою очередь, на

то, чтобы ему поставили статую на пьестале Сан-Марко. Точнее, на площади у Сан-Марко. *Rogat ut dignetur facere fieri imaginem... Super equo brondeo et ipsam imaginem super platea S. Marci*¹¹ водрузить, как сказано в его завещании. Культ личности в Яснейшей сыздавна возбранялся, так что и дож едва ли мог претендовать на статую на пьестале. Но Республика, нуждаясь в средствах, нашла выход. Бартоломео Коллеони получил, как и хотел, статую напротив Святого Марка – то есть около Скуола Гранде ди Сан-Марко, сбоку от церкви Санти-Джованни-э-Паоло! С другой стороны, он ведь уже умер и не мог предъявить претензий...

Еще один курьез, связанный с Бартоломео Коллеони, – три «сдвоенные капли» на гербе, изображения которого опоясывают пьестал. Достаточно взглянуть на них, чтобы убедиться: это не что иное, как тот самый мужской атрибут, чье название по-итальянски столь созвучно фамилии кондотьера (Коллеони – «кольони», «яйца»). И действительно: многие до сих пор считают, что у славного Коллеони... их было три!

* * *

Пересеките полностью кампо деи Санти-Джованни-э-Паоло и остановитесь перед церковью. Если встать к ней спиной, невозможно не заметить справа огромный фасад Скуола ди Сан-Марко (*Scuola di San Marco*), нынче – Оспедале Чивиле (*Ospedale Civile*), центральной венецианской больницы. Это одна из шести исторических венецианских «Скуоле Гранде», созданных для религиозных и общественных нужд¹². Открытая в 1260 году, она оказалась почти разрушена пожаром в 1485 году. Ремонтные работы были благополучно завершены под руководством Марио Кодусси в 1495 году. После того как здание было увеличено за счет пристройки задней части, воздвигнутой по проекту Якопо Сансовино между 1533 (дата, выбитая на последней капители со стороны канала) и 1546 годами, оно дошло до наших дней в неизменном виде. И до сих пор на его камнях выцарапаны следы истории, которая произошла прямо здесь, и в которой участвуют...

¹¹ «Просит, поскольку считает себя достойным, изваять статую... верхом на бронзовом коне и сию статую на площади Св. Марка» (*лат.*).

¹² Большие общественные здания, известные как Скуола Гранде («Большая школа»), создавались и обустроивались на деньги одного из крупных ремесленных цехов или купеческих союзов Венеции, совмещающая функции «корпоративного клуба» и «домовой церкви» при нем.

Нищий и левантинец

Ческо Пиццигани был одним из лучших каменотесов своего времени. Он принимал участие в работе над фасадом Скуолы Гранде ди Сан-Марко, и его умелыми руками сотворены те удивительные игры с перспективой, благодаря которым фасад до сих пор знаменит на всю Европу. Через несколько лет после этого, в 1501 году, неожиданная болезнь подкосила Фьоринду, молодую жену художника. Тщетными оказались все бесконечные заботы, которыми любящий Ческо пытался спасти ее жизнь. Она умерла, оставив безутешным мужа, который даже продал свою мастерскую, чтобы иметь возможность испытать все средства.

Вконец опустошенный, пораженный неизлечимой печалью об утраченной любви, Ческо через несколько лет превратился в нищего, просящего милостыню у дверей Скуолы Гранде – в возведении которой сам некогда принимал участие. При этом время от времени он упражнялся в прежнем искусстве, выцарапывая старым гвоздем на боках портика профили кораблей, которые каждый день загружались и разгружались у широких ступеней площади.

В эти самые годы по соседству жила одна женщина. Некогда она родила сына от левантинца – еврея, который, став подданным Турции, жил на острове Джудекка, пользуясь правами, дарованными иностранным купцам.

Сын, живший вместе с отцом и тоже одевавшийся по-турецки, часто приходил навещать женщину. Не сосчитать, сколько раз он набрасывался на нее с кулаками, вымещая на ней свой внутренний разлад – недовольство своим шатким положением полувенецианца и полулевантинца, одинаково плохо принятого обеими общинами. Женщина, которая жила одна и никогда не была замужем, кротко переносила вспышки гнева своего сына, которого она любила больше, чем себя самое. Но однажды вечером дело зашло слишком далеко. Обуянный такой яростью, какой он никогда прежде не испытывал, юноша зарезал собственную мать и в буквальном смысле вырвал сердце у нее из груди.

Опомнившись и ужаснувшись содеянному, он тут же убежал, выбросив нож, но продолжая сжимать в руке вырванное сердце. Он хотел взбежать на мост перед Скуолой, но споткнулся на первой же ступеньке и упал, выронив бедное сердце. Оно перевернулось на земле несколько раз, остановилось, и из него послышался голос: «Сынок, ты не ушибся?»

Обезумев, парень побежал к лагуне, в сторону кладбища, и, бросившись в волны, утопился. А Ческо? Тот, как обычно, прикорнул под воротами Скуолы. Он видел эту сцену и решил обессмертить ее, как мог, выцарапав рисунок на мраморе. И теперь еще по бокам портика, рядом с профилями кораблей, можно разглядеть человеческую фигуру с большим тюрбаном на голове, сжимающую в руке человеческое сердце – материнское сердце.

Что же до левантинца, то всей Венеции известно, что в самые холодные зимние ночи, когда мороз сгущает выдыхаемый воздух в облачка пара, на кампо Санти-Джованни-э-Паоло можно услышать скорбные причитания и тяжкие вздохи. Это дух юноши, который в самую холодную пору возвращается, чтобы отыскать ту единственную вещь, которая может согреть его своим теплом: материнское сердце.

Пересеките теперь понте Кавалло (*ponte Cavallo*, «Лошадиный мост») и, пройдя несколько метров, сверните направо, на калле де ла Теста (*calle de la Testa*, «улицу Головы»). Несколько шагов – и слева, в небольшом дворике-кампелетто, откроется вид на большую «голову» из белого камня, и по сей день выступающую достаточно высоко из стены современного дома № 6216¹³. Народное предание гласит, что здесь обитал некогда венецианский палач, и «голова» эта вмонтирована в стену сбоку от двери его дома.

¹³ В Венеции нет нумерации домов по улицам; в каждом из шести sestieri сквозная нумерация.

С помощью записочек, вложенных украдкой в отверстие-рот этой головы, палачу сообщали день и час следующей казни, чтобы он мог подготовиться. Но «домом палача», *каза ди бойя*, в Венеции называют также красный приземистый дом, выходящий на Каналь Гранде, между фондако деи Турки и ривой де Бьязио (*riva de Biasio*, набережная Св. Власия), а еще – другое здание, одиноко возвышающееся на кампо Маргерита (*campo Margherita*) с той стороны, что смотрит на Сан-Барнаба (*San Barnaba*, церковь Св. Варнавы).

* * *

В Венеции казни обычно осуществлялись через повешенье, почти всегда – между колонн на пьядетте Сан-Марко. Порою имело место и отсечение головы, обычно сопровождаемое четвертованием осужденного. При этом части его тела подвешивали в четырех разных углах города. Тому же, кто запятнал себя особо тяжким злодеянием, отсекали кисть (порою – обе) на месте преступления. С культями, перемотанными, чтобы не дать умереть от потери крови, и с собственными кистями, подвешенными к шее, осужденного доставляли к месту казни по Каналь Гранде на специальном суденьшке. Окончательно приговор приводился в исполнение на эшафоте при помощи топора. Для описания участи осужденного в венецианском диалекте существовал специальный глагол *descorà*, который не так-то просто перевести на итальянский¹⁴. Теперь ступайте на калле дрио ле Скуоле (*calle drio le Scuole*, «позади Скуолы»), которая переходит в фундаменту Джачинто Галлина (*fondamenta Giacinto Gallina*). Потом пересеките понте де ла Панада (*ponte de la Panada*) и следующий за ним понте дель Пьован (*ponte del*

¹⁴ Глагол, который уже в словаре венецианского диалекта середины XIX века помечен как «устаревший» Ближайший «аналог» в современном литературном итальянском языке – *scopare*, «сечь розгами» и «мести метлой», а также «трахаться».

Piovan). Когда вы сойдете с моста на набережную дель Пьован, у вас будет возможность полюбоваться задним и боковым, выходящим на воду, фасадом церкви Санта-Мария-деи-Мираколи (*Santa Maria dei Miracoli*, «Дева Мария чудес»). По традиции считается, что она сооружена из плит наилучшего мрамора, оставшихся при строительстве собора Св. Марка. Еще несколько шагов – и вот вы на кампо Санта-Мария-Нуова (*campo Santa Maria Nuova*), которую следует пересечь по диагонали, чтобы выйти на калле дель Спецьер (*calle del Spezzer*).

Едва войдя на кампьелло Бруно Кровато (*campiello Bruno Crovato*), вы увидите по левую руку аптеку, занимающую то же место и носящую то же имя, что и древняя венецианская фармакопея – «Две колонны» (*Due Colonne*). Здесь и еще в нескольких местах в городе готовилось снадобье, пользовавшееся большим спросом, териак (мы о нем еще поговорим), о чем и по сей день извещает старинная табличка над входом. Еще обратите внимание на дыру в брусчатке слева от входа: здесь некогда помещалась огромная ступка, в которой измельчались и перемешивались составные части териака.

Лед на лагуне и счастливый случай

А недалеко отсюда обитает удача. Войдя на кампо Сан-Канциан (*campo San Canzian*) и пройдя одноименную церковь (*chiesa di San Canciano*), за единственным мостом, который попадаете вам по пути, справа можно разглядеть большой портик. В мощную угловую опору с двух сторон вделаны две лапы, вроде якорных. Не так уж редко случается видеть, как венецианцы, проходя здесь, постукивают сначала по одному, потом по другому кольцу. Считается, что это притягивает удачу.

Пройдите под арочным портиком, следующим вдоль набережной. Это сотопортего¹⁵ дель Трагетто (*sotoportego del Traghetto*, «Паромный проход»), место самой древней паромной переправы в городе. Она действовала аж с IX века, когда дож Анджело Партечипацио повелел держать здесь парусные лодки для сообщения с Мурано. Как легко можно видеть, все колонны исписаны граффити и надписями. Большинство из них оставлено паромщиками, они просто сообщают о ценах перевозки на Мурано, Бурано, Мазорбо, Торчелло, Сант-Эразмо и Виньоле¹⁶.

Но некоторые из надписей хранят память об особых происшествиях. Так, в числе наиболее различимых на второй колонне – та, что напоминает об одном из самых крупных «оледенений» лагуны. Последнее из них имело место в 1928 году, но надпись посвящена не ему. Она гласит: *Eterna memoria dell'anno 1864 del g(h)iaccio veduto in Venezia, che se sta sulle fundamente Nove a San Cristoforo andava la gente in (pr)usision che formava un liston*¹⁷. Эта надпись сообщает, что лагуна в том году замерзла так, что народ заполнил все водное пространство от Венеции до Сан-Кристофоро, одного из тех двух изначальных островков, что вместе с Сан-Микеле образуют ныне венецианское кладбище.

Из хроник можно извлечь сведения и о других оледенениях лагуны – в 568, 852, 1118, 1122, 1234 годах. Упомянем еще о двух. Первое – 6 января 1432 года. «Лед был столь обширен, – сообщает хронист, – столь велик и тверд, что по всей Венеции, а также из Венеции в Местре можно было ходить как посуху». Другое – в 1491 году. «Числа десятого января стоял холод великий, так что обмерзла вся лагуна накрепко, и пешком от Каннареджо до Маргеры идти можно безвозбранно, и были такие, кто от Маргеры до Каннареджо по льду скотину водили». Как мы видим, в обоих случаях народ мог свободно перемещаться по льду от города до материка и даже перегонять домашних животных.

Раз уж речь зашла о рекордах, связанных с пересечением лагуны пешком по льду, невозможно не упомянуть понте делла Либертá (*ponte della Libertà*, «мост Свободы»), сооруженный всего лишь за два года во время фашистского двадцатилетия. Если быть точным – с 27 июля 1931 года по 25 апреля 1933 года. Этот автомобильный мост тянется параллельно железнодорожному мосту, сооруженному австрияками в 1841–1846 годах¹⁸. Его длина – 3623 метра, ширина – 15 метров 75 сантиметров, он до сих пор является самым длинным в Италии. А на момент сооружения – был самым длинным в мире. На рубеже XIX–XX веков, прежде чем этот мост был построен, рассматривались самые невероятные проекты сообщения Венеции с материком. Например, трамвайные пути на стальных фермах между кампо Санти-Апостоли и Кампальто, к северу от Венеции; трамвайная станция на рива дельи Скьявони, от которой

¹⁵ Сотопортего – сквозной проход, образованный аркой внутри дома или, как в данном случае, сбоку от дома, открытый с одной стороны к каналу. В определенном смысле – предтеча современных «лобби», публичных пространств на первых этажах небоскребов и торговых центров.

¹⁶ Острова и островки Венецианской лагуны.

¹⁷ «Вечная память 1864 году и льду, виденному в Венеции, так что народ от Фондаменте Нова до Сан-Кристофоро шагал толпой» (*нелитературный итальянский*).

¹⁸ С инженерной точки зрения оба моста являют собой единое сооружение.

должен начинаться подземный тоннель через весь город; станция канатной дороги, ведущей на материк; виадук над железнодорожным мостом и даже туннель под всей лагуной¹⁹. Взойдите на мост Сан-Канциан (*San Canzian*) и возьмите правей, на калле де ла Мальвазия (*calle de la Malvasia*), пока она не выведет вас на кампьелло де ла Казон (*campiello de la Cason*, «площадка Большого дома»), иными словами – к тюрьме. В каждом сестере была своя тюрьма, в которую «заметали», как говорили венецианцы (то есть заключали), несостоятельных должников и вообще мелких правонарушителей. И по сей день на углу можно заметить справа два кольца, встроенных в стену. По традиции (не лишенной исторического основания) считается, что сюда приковывали, чтобы выставить на посмешище, людей, совершивших мелкие проступки или оскорбивших общественную мораль. А раз уж мы здесь, можно наконец сказать, для чего, согласно тому же народному мнению, служили те два кольца, которые мы трогали раньше за мостом: ни больше ни меньше – для вывешивания частей тела четвертованных преступников.

* * *

Пересеките кампьелло де ла Казон и, свернув на калле Муаццо (*calle Muazzo*), сразу поворачивайте налево, на калле дель-Манганер (*calle del Manganer* – этим словом в Венеции называли суконщиков, занимающихся шерстью и шелком). Зайдя в кампьелло дрио ла Кьеза (*campiello drio la Chiesa*, «за церковью»), пересеките его по диагонали и проулком выйдите в кампо Санти-Апостоли (*campo Santi Apostoli*, «Святых апостолов»). И, подойдя к узкой набережной, обращенной к одноименному каналу (*rio dei Santi Apostoli*), можете полюбоваться возвышающимся прямо перед вами Ка Фальер (*Ca' Falier*). Этот дворец, известный также как «дом с колоннами», служил некогда дожу Марину Фальеру, обезглавленному, как мы уже упоминали, 17 апреля 1355 года.

¹⁹ В 2010 году, с запуском челнока *People Mover*, за три минуты по специальному 850-метровому виадуку доставляющего пассажиров от piazzale Рома к Тронкетто (огромной многоэтажной автомобильной стоянке, пристроенной к западной оконечности Венеции), проект скоростного трамвайного сообщения в Венеции оказался, можно сказать, частично реализован.

Дожд, потерявший голову

Фальер был избран дожем в 1354 году, находясь при этом за пределами Венеции. Прибывши на Сан-Марко, он вышел из гондолы не у Соломенного моста (*ponte della Paglia*²⁰), как полагалось, а на пьядетте. Так что для того, чтобы вступить во дворец, ему пришлось пройти между двух огромных колонн, со львом и со святым Феодором – то есть по тому месту, где обезглавливали преступников. Присутствующими это было сочтено дурным предзнаменованием. «Хуже начала и не придумаешь», – записал у себя в дневнике Марин Санудо. Даже Франческо Петрарка, который знал Фальера в Падуе в бытность его там подестой, заметил в одном письме, что новый дож *sinistro pede palatium ingressus*²¹. Предзнаменованию суждено было сбыться всего через несколько месяцев...

Историки дотошно объясняют, что заговор, задуманный дожем для того, чтобы стать единоличным господином Венеции, не оглядываясь на Сенат и на Большой совет, отвечал амбициозному характеру Фальера; но легенда (или, лучше сказать, романтическая трактовка части исторических фактов) сводит дело к женщине и поруганной чести. Во дворце был организован праздник по случаю избрания дожа. В нем принимал также участие молодой патриций Микеле Стено – но Фальер велел ему удалиться, потому как он докучал камеристке догарессы Лодовики Градениго. Тот подчинился, но в отместку оставил на кресле дожа записочку с двусторонним:

Marin Falier da la bela mujer
Altri la galde, lu la mantien²².

Другая версия забирает еще круче:

La mugierà del doxe Falier
La se fa foter per so piaher!²³

Так возник личный конфликт, имевший тяжелейшие политические последствия. Дожд затеял заговор против государства, потому что считал, что нанесенное ему оскорбление не было смыто надлежащим образом. (Стено отсидел месяц в тюрьме, а сверх того был приговорен к выплате пени в сто лир и порке лисьим хвостом – то есть речь шла о наказании символическом. Которое к тому же не помешало ему самому стать дожем – через сорок пять лет после этого эпизода, в 1400 году.)

В зале Большого совета Палаццо Дукале, среди портретов первых семидесяти шести дождей, последовательно сменявших друг друга во главе Яснейшей республики²⁴ (всего между 697 и 1797 годами их набралось сто двадцать), Марин Фальер представлен рамой, задрапированной черной тканью. Под ней подпись: *hic est locus Marini Falethri decapitate pro criminibus*²⁵. Кто-то после казни предлагал выставить изображение *quod caput pendeat incisum ad colum*²⁶ –

²⁰ Мост, перекинутый через Дворцовый канал на набережной лагуны и отделяющий Палаццо Дукале от тюрьмы Пьомби. С него открывается вид на мост Вздохов.

²¹ «Не с той ноги во дворец ступил» (лат.).

²² У Марина Фальера красива жена: / Он платит, других услаждает она (архаичный венецианский диалект).

²³ Жонка Фальера-дожа / Етъся со всяким гожа (венецианский диалект).

²⁴ Полное название Венецианского государства – *La Serenissima Reppublica di Venezia*. Первое слово – то же самое, которое использовалось в судебных журналах для обозначения погоды, наиболее благоприятствующей мореплаванию.

²⁵ А это место Марина Фальера, обезглавленного за свои преступления (лат.).

²⁶ Отрезанной головы, подвешенной за шею (лат.).

но образ того, кто предал Республику, не заслуживает, чтобы быть сохраненным и подобным образом²⁷.

«Заземленный канал», *gio terà*, – канал, засыпанный землей и вошедший в сеть пешеходных улиц Венеции. Сейчас в городе десятки и десятки подобных калле, бывших некогда каналами. В основном они подверглись трансформации в XIX веке. Попробуйте представить эти улочки в их изначальном обличье – с водой, мостками и набережными. А теперь повернитесь и пройдите к церкви. Основанная в VII веке святым Маньо на том месте, где ему явились двенадцать апостолов в образе журавлей и велели ее воздвигнуть, – церковь оказалась ареной необыкновенного происшествия, случившегося в 1672 году. Тогда здесь строили колокольню, и, когда работы уже близились к завершению, старенький священник, Доменико Лонго Бакетин, поднявшись наверх, чтобы проследить за их ходом, поскользнулся и вывалился из звонницы. Но счастливо спасся, зацепившись сутаной за стрелки больших часов. Этого хватило, чтобы спасатели втянули его внутрь.

Пересеките салицаду²⁸ дель Пистор (*salizada del Pistor*), потом поверните направо, на рио тера деи Франчески (*rio terà dei Franceschi*, «засыпанный канал Францисканцев»), потом налево, на рио тера Санти-Апостолы (*rio terà Santi Apostoli*, «засыпанный канал Святых Апостолов»), и наконец войдите на калле дель-Спецьер (*calle del Spezier*), миновав рио тера дель Барба Фрутариол (*rio terà del Barba Frutariol*). Перейдите понте деи Сартори (*ponte dei Sartori*, «Портняжный мост») и следуйте прямо по салицаде Зериман (*salizada Seriman*) до понте деи Дезуити (*ponte dei Gesuiti*, «мост Иезуитов»). Перед вами – кампо деи Дезуити.

²⁷ Трагическая история Марина Фальера привлекала многих художников, писателей-романтиков и композиторов. Самая известная ее литературная интерпретация – новелла Гофмана «Дождь и догаресса». Можно назвать также поэму Байрона «Марин Фальери» и одноименную оперу Доницетти. Задумывал обратиться к этой теме и Пушкин. В его черновиках остался набросок: Высоко в небесном поле / Ходит Вечер золотой. / Старый дождь сидит в гондоле / С догарессой молодой. Само наличие заговора, однако, ставится историками под сомнение. Возможно, готовность Фальера совершить переворот была сильно преувеличена венецианскими патрициями – чтобы найти повод избавиться от неадекватного тяжелой политической ситуации (изнурительная война с Генуей) жесткого и неуступчивого 80-летнего дожа. В таком случае мягкость наказания Стено может трактоваться как недвусмысленный «вотум недоверия» старому дожу и прозрачный намек на желательность его добровольного ухода в отставку (хотя должность дожа является пожизненной, такие прецеденты известны) – который, однако, был истолкован Фальером превратно.

²⁸ Салицада – еще одно название для пешего прохода в Венеции. Объяснение происхождения названия дается автором ниже.

Америку открыли венецианцы?

Дворец, возвышающийся слева, – это Ка Зен. Первоначально он был весь покрыт фресками Скьявоне и Якопо Тинторетто. Здесь родились и жили два брата, Антонио и Николо Зен, которые в 1398 году отчалили от Оркнейских островов, что в Великобритании, имея под своей командой двенадцать судов шотландского правителя Генриха Синклера. Путь их лежал к Фарерским островам, Исландии и Гренландии – а далее к Новой Шотландии и Новой Англии. До нас дошли свидетельства об этом походе, осуществленном за девяносто четыре года до знаменитого путешествия Колумба (на корабле которого также присутствовал венецианец, Джованни Везаньо). Венецианская пушка, обнаруженная несколько лет назад в одном из озер Нового Света, подтверждает справедливость предания, оставленного братьями Зен.

Но это еще не все. Семейство Синклер с 1057 года владеет Рослином, где в середине XV века была возведена часовня, знаменитая своей эзотерической символикой. Многие считают ее хранилищем сокровищ тамплиеров – или, по крайней мере, каменной картой, указывающей, где их найти. Другие же подозревают, что в ней хранится Грааль – священный кубок Тайной вечери. Зачем Генрих Синклер повелел венецианцам организовать это путешествие, столь же опасное, сколь бессмысленное в то время? Не для того ли, чтобы спрятать нечто в неизведанном тогда Новом Свете? Трудно сказать, ведь он был убит, едва вернувшись обратно в Шотландию. Но известно, что он оказывал покровительство последним тамплиерам, бежавшим после роспуска ордена в 1307 году из Франции и нашедшим защиту в Португалии и Шотландии.

Но если Рослин может гордиться своей часовней, так тесно связанной с тамплиерами, то уголок Венеции, в котором мы сейчас находимся, имеет отношение к другим крестоносцам, воздвигшим некогда здесь свой Ораторий, а теперь основательно забытым. Речь идет об ордене госпитальеров, появившемся в Иерусалиме и занимавшем эту площадь до иезуитов. Госпитальеры считались нищенствующим орденом, посвятивших себя тому, чтобы подавать помощь бедным, больным, а также вдовам погибших на Святой земле. На практике же они снискали огромное богатство, что позволило им в XVI веке заказывать работы знаменитым художникам – Якопо Пальме-младшему, Веронезе, Тициану. В том же веке ими была основана внутри монастыря школа музыки и математики, из которой частенько выходили органисты собора Святого Марка.

Современный вид Ка Зен – это результат перестройки, осуществленной между 1534 и 1579 годами, в соответствии с тщательно проработанными рисунками и строго продуманными перспективами. У палатцо четыре двери – так пожелал Пьетро Зен (посланник в Константинополе²⁹), отец четырех сыновей. Между двумя дверьми виден медальон, приделанный, на первый взгляд, в случайном месте. Это явно фамильный герб. На нем высечены знаки, вроде тайного кода: I...R...Z...M...247.

Но расшифровать их так никто и не сумел...

* * *

Кладбище Сан-Микеле было создано во исполнение указа Наполеона, предписывающего, по соображениям санитарии, хоронить усопших подальше от обитаемых центров. В 1807 году для этих целей был выделен остров Сан-Кристофоро-делла-Паче (Св. Христофора Мирного –

²⁹ «В обыденной речи, – свидетельствует словарь венецианского диалекта 1867 года Джузеппе Боэрио, – само слово *bailo*, “посланник”, стало синонимом “доходного местечка”, потому что должность венецианского посланника в Османской Порте (*Bailo veneto alla Porta Ottomana*) считалась чрезвычайно выгодной».

название напоминает о щедром даре, полученном теологом фра Симоне да Камерино в качестве награды за мир, заключенный им между Венецией и Миланом в 1454 году). К нему в 1837 году был присоединен соседний островок Сан-Микеле (Св. Михаила), известный в древности как Кавана-де-Муран («Муранская гавань»), потому что здесь пережидали непогоду суденышки, направлявшиеся в Мурано. Канал, разделявший два острова, при этом засыпали. Работы по устройству кладбища возглавил архитектор Антонио Сельва (тот самый, который возводил театр Фениче), но из-за нехватки средств они многожды прерывались и завершились только к 1870 году. Пройдите полностью кампо деи Дезуити, пока не выйдете на фундаменты Нове (*fondamente Nove*, «Новые набережные»). Здесь, помимо прочего, проходили соревнования по «игре в мяч» – одному из предшественников современного футбола. Игры проходили вплоть до 11 апреля 1711 года – пока их не запретили специальным указом Совета Десяти.

Это самая северная часть Венеции. И перед вашими глазами, немного правее, возникает «остров мертвых» – венецианское кладбище, последнее пристанище не только тысяч венецианцев, но и таких иностранцев, как музыканты Игорь Стравинский и Карл Фильч³⁰, писатели Эзра Паунд и Иосиф Бродский.

Еще там расположены церковь и монастырь Сан-Микеле-ин-Изола («Св. Михаила на Острове»), дававший в первой половине XV века приют фра Мауро – знаменитому космографу, снискавшему славу своими великолепными картами мира, – считающимся высшим достижением картографического искусства позднего Средневековья (ныне хранятся в библиотеке Марчиана³¹). О нем веками рассказывают такой колоритный анекдот.

³⁰ *Carl Filtsch* (1830–1845) – румынский пианист, о котором с восторгом отзывались Лист и Шопен. Дал свой первый концерт в 10-летнем возрасте. Умер в Венеции, куда был отправлен из-за обнаружившегося туберкулеза, не дожив двух недель до пятнадцатилетия. Его именем назван международный конкурс.

³¹ *Biblioteca Marciana* – главная библиотека Венеции, расположенная бок о бок с Палаццо Дукале, позади колокольни Сан-Марко. Одна из старейших светских библиотек Европы. И, по мнению Иосифа Бродского, прекраснейшая библиотека мира.

В один прекрасный день, пока монах трудился над своей картой полушарий, его навестили несколько патрициев и с ними сенатор. Высокие гости начали задавать вопросы, более-менее связанные с географией, и тут сенатор заявил: «Что это вообще значит – “карта”? Это же просто почеркушки какие-то!» Не теряя спокойствия, фра Мауро принялся объяснять, как на карте обозначаются материки, горы, реки и все города известного мира.

«Сколь велик мир!» – удивился сенатор и тут же пожелал узнать, а где же на карте Венеция. «Вот, эта точка – это и есть Венеция», – ответил монах, указывая означенное место. Возмущенный аристократ вперил в монаха взгляд и изрек: «Сделай мир поменьше, а Венецию – побольше». После чего удалился со своей свитой. Про этого же монаха рассказывают историю, в которой фигурирует...

Космограф, похитивший сны Люцифера

Известно, что фра Мауро умер в 1459 году в глубокой старости. Известно также, что на острове-монастыре у него была целая картографическая мастерская и несколько помощников.

Из этой-то мастерской и выходили изумительные атласы, среди которых – карта мира, составленная по поручению короля португальского Альфонсо V, и другая великолепная карта, хранящаяся сейчас в Апостольской библиотеке Ватикана. Каким образом церковный служитель, никогда не покидавший монастыря, мог рисовать эти карты – покрыто тайной. Историки объясняют, что он составлял их, опираясь на сведения, доставляемые венецианскими путешественниками, но, по народной легенде, он делал это, опираясь на сны – не свои собственные, а на сны дьявола. Монах был наделен необыкновенным даром собирать над островом сны Люцифера и потом, в самую пасмурную погоду, проецировать их на тучи.

Из истории мира сего известно, что дьявольские создания частенько ускользали из-под контроля своего создателя. Точно также и сны Люцифера – в Средневековье они бушевали в небесах, пугая смертных и указывая дорогу на шабаш ведьмам, духам и нечистой силе. Фра Мауро нашел способ укрощать их и узнавать с их помощью пределы мира, неизвестные прочим. Краски, детали и точность его карт, поражающие до сих пор, суть не что иное, как вихрь образов тогдашнего мира, освобожденных во сне Люцифером и пойманных на карту монахом-космографом, который читал очертания и оттенки на облаках во время предшествующих буре порывов ветра. Эти клубящиеся сны и сейчас можно иногда увидеть высоко над кладбищем, летними ночами, во время самой злой непогоды.

* * *

Позднее кельи монастыря Сан-Микеле превратились в тюрьму для политзаключенных. В 1822 году здесь содержались борцы за свободу Италии Сильвио Пеллико³² и Пьетро Марочелли, участники многочисленных восстаний против австрийского владычества. Отсюда их перевели в Шпильберг – пользующуюся мрачной славой габсбургскую тюрьму, расположенную в Моравии, недалеко от Брно. Что же до толщи воды, отделяющей вас от острова, – во времена ноябрьских туманов, днем или ночью, присмотритесь к плавучим огонькам, смутно виднеющимся впереди. Возможно, это свечи, горящие в плавучем гробе той, которую зовут...

³² Поэт и карбонарий Сильвио Пеллико (1789–1854) известен русскому читателю тем, что на его написанную в заключении книгу «Об обязанностях человека» дал в 1836 году восторженную рецензию Пушкин.

Непогребенная девочка

Это случилось туманным вечером 29 ноября 1904 года. Уже темнело и видимость упала почти до нуля, но Франческо Квинтавалле, командир вапоретто³³ «Пеллестрина», который должен был от Фондаменте Нове направиться к острову Бурано, все-таки решился отдать швартовы, вняв настойчивым просьбам «арсеналотти», рабочих с Арсенала, которые после долгого рабочего дня мечтали поскорее добраться домой на Бурано. Выждав десять минут, необходимые для того, чтобы кораблик успел зайти на Сан-Микеле³⁴, следом за ним отправились две пассажирские гондолы, наполненные возвращающимися из Венеции муранцами. Одну гондолу вел Антонио Россо Франа, другую – Андетто Камоццо. Хроники повествуют, что, отчаливая от Сан-Микеле, Квинтавалле scomандовал «малый назад!», не заметив, что гондолы были прямо за ним. Лодочка Россо разломилась пополам, и все ее пассажиры оказались в воде. Четырех удалось тут же вытащить на борт вапоретто, но еще пять женщин скрылись под водой за считанные секунды. Несмотря на густой туман, немедленно начались поиски, которые продолжались всю ночь. Через несколько часов с вапоретто, стоявшего у причала, была замечена Мария Тозо Булла. Ее немедленно вытащили и спешно доставили в Мурано – но она скончалась почти сразу же. Бездыханные тела Лизы Тозо Бореллы и Амалии Падован Вистози были обнаружены наутро внутри кормовой части гондолы. Но Тереза Сандон и Джузеппина Габриэль Кармело, еще девочка, так и остались поглощены пучиной. В сентябре 1905 года, через десять месяцев после разыгравшейся трагедии, Тереза Сандон явилась во сне своей сестре. «Молись за меня, – сказала она, – потому что тело мое все еще томится в плену. Но если ты хорошенько помолишься, я освобожусь от уз, которые приковывают меня ко дну канала, и упокоюсь на освященной земле». Через десять дней после этого вещего сна двое рыбаков в канале делла Бисса, около острова Виньоле, заметили всплывшее изуродованное тело. Скапулярий³⁵ на шее помог опознать его – это были останки Терезы Сандон.

А вот маленькую Джузеппину Габриэль Кармело так и не нашли. Ее кости по-прежнему лежат на дне лагуны, но дух обрел покой в том освещенном свечами плавучем гробу, что показывается туманными ночами. И к которому не смеют приближаться паромщики.

* * *

Поверните налево и пройдите до конца фундамент Нове. Сейчас здесь располагается одноименный театр (*teatro Fondamente Nove*), а в первые послевоенные годы это было место темных делишек и кровавых расправ. Старые венецианцы до сих пор вспоминают историю, в которой фигурируют

³³ Название «вапоретто» (буквально – «пароходик», от *vapore* – «пар») – закрепилось за речными трамвайчиками, курсирующими по Венеции и лагуне, и нигде за ее пределами не применяется.

³⁴ Причал острова Сан-Микеле находится точно на траверсе маршрута от причала Фондаменте Нове к Пьяццале Колонна, ближайшему к Венеции причалу на Мурано. Гондолы выжидали, чтобы дать время гораздо более неповоротливому вапоретто совершить необходимые маневры.

³⁵ Скапулярий – кусок ткани с рисунком или текстом религиозного содержания, носимый на шее по обету.

Каракатицы с глазами женщины

Линда Чиметта была маленькой милостивой женщиной. Вместе с мужем она держала бар в Беллуно, что на севере области Венето, и частенько навевалась в Венецию, чтобы пополнить запас контрабандных сигарет. В апреле 1947 года, отправившись в город, она, как обычно, остановилась у подруги – и пропала. Высказывалось много предположений: что она, поддавшись минутному порыву, сбежала с американским солдатом; что она долго и тщательно готовила свое исчезновение и скрылась наконец туда, где ее никто не знал; что ее видели входящей в монастырь, чтобы принять постриг.

Полиция, однако, провела расследование и пришла к заключению, что женщина была убита. После чего без проволочек предъявила суду и убийц: Бартоломео Тома́ и Луиджи Сарди – вдохновитель и исполнитель этого преступления. Женщину завлекли в ловушку, посулив выгодную партию сигарет, убили несколькими ударами топора и засунули в чемодан, предварительно расчленив. Сарди, гондольер по профессии, настаивал на своей невиновности. Он уверял, что выбросил вместе с Тома в лагуну чемодан, будучи уверенным, что тот избавляется от краденого.

Поиски велись несколько дней, но ни к чему не привели. А потом это преступление забылось, потонув в жилищной, продовольственной и прочих проблемах, которых хватало в послевоенные годы. Но через некоторое время мальчишки, ныряющие с фундамент Нове, вытащили на берег большой дорожный чемодан, прибитый волнами. Открыв его, они обнаружили, что он кишит крабами и каракатицами. Придя в себя, ребята радостно кинулись собирать их и побежали домой с полными пригоршнями, чтобы бросить на сковородку: голод в те годы и не на такое толкал.

Но на дне чемодана обнаружилось женское тело. Это все, что осталось от Линды Чиметты. Трудно сказать, все ли ребята вернули обратно свою добычу, но большая часть живности, безусловно, вернулась в море. С того времени рыбаки выбрасывали обратно всех каракатиц, выловленных в этой части набережной: им казалось, что моллюски смотрят на них глазами женщины. Ее убийцы тоже плохо кончили. Пытаясь убежать из тюрьмы в Вентотене, Бартоломео Тома сгинул во время бури в Тирренском море. Луиджи Сардо вышел из тюремной психбольницы в 1973 году. Зимой 1980 года он убил сержанта полиции, ни с того ни с сего ударив его трубой по затылку. При аресте он монотонно твердил два слова: «Я невиновен».

Другой подобный случай произошел в Венеции относительно недавно, в 80-е годы. Расчлененную женщину тоже выловили из воды в чемодане. И на сей раз убийце не удалось уйти от наказания. Квитанция из прачечной, обнаруженная в сумочке, безошибочно вывела на него. Ни жертва, ни убийца не были венецианцами. Он убил ее на материке и привез останки, чтобы выкинуть в лагуну с Сант-Элены, что на западной оконечности Кастелло, за садами Биеннале.

Но и в XVIII веке из венецианских вод как-то раз выловили чемодан с человеческими останками... Никола Фарагоне, родом апулиец, убил двух неаполитанских проституток, мать и дочь Фортунату и Леонору, разрезал на части и засунул в чемодан, который выбросил в канал Джудекку, привязав для верности в качестве груза большой камень на длинной веревке. Вербка, очевидно, оказалась слишком длинной: она всплыла на поверхность, и ее приметили с проплывавшей лодки. 12 сентября 1729 года выслеженный убийца понес примерное наказание – обезглавлен и четвертован (как поступил он сам со своими жертвами), а тело его было выставлено на четырех городских перекрестках.

* * *

Там, где фундаменты Нове заканчиваются небольшой бухтой, известной как «бухта Милосердия» (*sacca della Misericordia*), прямо перед вами, вдали, на противоположном берегу этого залива, виднеется «Домик Духов», Казино дельи Спирити (*Il Casino degli Spiriti*). Такое название прижилось после того, как много поколений лодочников и рыбаков слышали из него по ночам грохот, свист и шум. Одни уверяют, что дом служит притоном для шайки фальшивомонетчиков, которые нарочно шумели, чтобы посторонние не совали нос и не мешали их делишкам. Другие полагают, что «духи» в названии суть не кто иные, как изысканные тени художников и писателей, некогда собиравшихся здесь.

Как бы там ни было, здание, входящее в комплекс дворца Контарини даль Заффо (*palazzo Contarini dal Zaffo*), было сооружено в XVI веке благородным семейством для летних забав и увеселений. Заброшенная со временем, вилла приобрела в последующие века это двусмысленное название и почиталась местом собрания неугомонных призраков. С этим местом связана легенда о художнике XVI века Пьетро Луццо да Фельтре.

Мертвец, убивший себя из-за любви

С самого момента постройки, гласит легенда, летний домик Контарини посещали знаменитейшие художники того времени. Сопровождаемые своими прекрасными натурщицами, здесь посвящали разнообразным удовольствиям вечерние часы Тициан Вечеллио, Якопо Тинторетто, Джорджоне, Пьетро Аретино, Якопо Сансовино, Паоло Веронезе и Пьетро Луццо. Они слушали музыку, декламировали стихи, вкушали яства, предавались любовным утехам. Порою к ним присоединялись иностранцы, как, например, Альбрехт Дюрер.

Пьетро Луццо, однако, выделялся своей угрюмостью. Необщительный, резкий в ответах, мрачный с виду, он получил прозвище «Мертвец из Фельтре» (*Morte da Feltrè*), отражающее как его происхождение, так и неприветливость, а более всего – его бледное лицо с заостренными чертами. Но и его угораздило влюбиться без памяти в Чечилию, любимую модель (и, конечно, любовницу) Джорджоне, которой весьма докучали его беспокойная страсть и настойчивые ухаживания.

Как-то вечером, когда Мертвецу из Фельтре удалось наконец уединиться с Чечилией у окна Казино, он получил от нее полный и решительный отказ. И пригрозил девушке, что убьет себя у нее на глазах. «Как вам будет угодно, – отвечала красавица, – море прямо перед вами!»

«Смотри, Чечилия, мертвецы порой возвращаются...»

Та хотела что-то пошутить в ответ, но безумный блеск в его глазах заставил девушку вскрикнуть и отбежать от окна назад, к ничего не подозревавшим друзьям. И тем же вечером Мертвец из Фельтре сгинул в пучине.

Несколькими днями позже, когда вся честная компания снова собралась в домике с видом на лагуну, призрак Пьетро Луццо неожиданно возник в оконном проеме – молчаливый, осуждающий. Его появление всех переполошило. Окно было решено заложить. Бесполезно: на следующую ночь Мертвец из Фельтре появился в соседнем окне. Его тоже заложили общими усилиями. Но и это не помогло. Вечер за вечером призрак появлялся в одном окне дома за другим, пока все они не оказались замурованы. Лишь тогда привидение оставило виллу в покое и больше не показывалось.

* * *

Поверните теперь налево, на калле Лунга Санта-Катерина (*calle Lunga Santa Caterina*), и пройдите ее всю до понте Молин (*ponte Molin*). Пересеките его и ступайте дальше, пока не увидите по правую руку маленький и темный сотопортего деи Прети (*sotoportego dei Preti*, «проход священников»), который выведет вас прямо на понте де ла Раккетта (*ponte de Racchetta*, «Мост ракетки»).

Название моста связано с тем, что когда-то эти места отводились для «игры в ракетку» (*gioco della racchetta*) – древнего предшественника современного тенниса. Среди многочисленных представителей знати и знаменитостей, упражнявшихся здесь в этом развлечении, – ставшие впоследствии императорами Карл VI, Карл VII, а также короли польский и датский.

Сойдя с моста, поверните направо, на фундаменту Сан-Феличе (*fondamenta San Felice*) и задержите взгляд на единственном мостике, лишенном перил, – понте Кьодо (*ponte Chiodo*, мост «Гвоздь»). Это последний остающийся в городе мост без ограждений, напоминание о многочисленных подобных мостах, существовавших некогда в Венеции. В отличие от более известного Чертова моста, понте дель Дьяволо (*ponte del Diavolo*) в Торчелло, что на севере

лагуны, этот мостик в историческом центре, соединяющий кварталы жилых домов, не связан ни с какой легендой. Просто заметим, что когда-то мосты с перилами были редкостью. А в еще более стародавние времена каналы преодолевали с помощью простых досок.

Теперь поверните налево на следующую калле и наконец перейдите понте де ла Мизерикордия (*ponte de la Misericordia*, «мост Милосердия»). С него вы вступите на одноименное кампо, на котором возвышается во всей своей красе (хоть так до сих пор и не завершенное) здание Скуолы Нуова де ла Мизерикордия (*Scuola Nuova de la Misericordia*), еще одной из шести венецианских Скуоле Гранде. Начатое в 1532 году по проекту Якопо Сансовино, это величественное сооружение было закончено лишь пятьдесят лет спустя – но только изнутри, чтобы дать возможность дожу Николó да Понте провести там пышную церемонию открытия. Эта Скуола и смежное с ней палаццо Лецце оказались первыми зданиями в городе, разграбленными в 1797 году французскими солдатами.

Между иллюминатством и алхимией

Считается, что палаццо Лецце (*palazzo Lezze*) – одно из мест Венеции, исторически тесно связанных с масонством. «Вольные каменщики» использовали для своих целей символические фигуры и ритуальные формулы, позаимствованные у алхимиков и еретиков. И на боковом фасаде палаццо Лецце, образующем угол с фасадом Скуолы де ла Мизерикордия, на уровне балконов виднеются весьма любопытные барельефы. На нижнем левом балконе – целая композиция, воистину загадочная, из алхимических символов. Ее образуют человеческая фигура на дереве с огненной кроной, поддерживаемая двумя женщинами, вставшими ногами на грудь двух пеликанов, над которыми встают солнце и луна. Не менее примечательна и композиция справа, у самого угла – с двумя гарпиями и странной полубогаженной – в чем-то вроде накидки – фигурой, держащей две охапки хвороста в руках. Две мраморные фигуры на следующем этаже – ангел и двуглавый орел – завершают квадрат.

Если уж не масонскими, то алхимическими эти барельефы точно являются. Дворец, сооруженный по заказу Джованни да Лецце в начале XVII века, приписывается Бальдассаре Лонгоне, чьи каббалистические и эзотерические познания ясно проступили, например, при сооружении базилики де ла Салюте³⁶. А сам да Лецце, весьма вероятно, был герметистом.

³⁶ То есть базилики Мадонна делла Салюте, на «стрелке» Канал Гранде перед пьяццей Сан-Марко.

Трудно сказать, собиралась ли здесь тайная ложа, но косвенным подтверждением существования в Яснейшей республике нескольких лож в первые десятилетия XVIII века является тот факт, что в 1729 году Томас Ховард, герцог Норфолкский и великий мастер лондонской ложи, посетил Виченцу, Верону, Падую и Венецию. Заседание тогда, возможно, прошло «на выезде» – на каком-нибудь судне посреди лагуны. Хроники безусловно свидетельствуют о наличии ложи в палаццо Контарини, в Санта-Кроче – она была выявлена и распущена 6 мая 1785 года.

Обойдите Скуолу по фундаменте Мизерикордия и перейдите по понте дель Абация (*ponte de l'Abazia*, «мост Аббатства») на одноименное кампо. Прекрасная пустынная площадь дает возможность полюбоваться церковью Аббатства Мизерикордии (*chiesa de l'Abbazia de la Misericordia*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.